

ДИАНА
МАШКОВА

|| Я ХОЧУ
БЫТЬ
СТОБОЙ

...Психологизм, умение проникнуть в тайны человеческой души, социальная зоркость – все это позволяет говорить о прозе Машковой как о заметном литературном явлении.

Писатель Юрий Поляков

Eva.Ru

Диана Машкова

Я хочу быть с тобой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8975693

Я хочу быть с тобой : роман / Диана Машкова: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76641-3

Аннотация

Чем отличаются разводы русских супружеских пар от, скажем, американских? Пожалуй, тем же, чем отличаются их бракосочетания. Русские люди – страшные романтики! Ни тебе брачного контракта, ни тебе договоренностей по поводу имущественных вопросов, главное – любовь... Поэтому не странно, что Алла Немова не стала беспокоиться о том, как делить имущество, когда узнала от мужа, что он уходит от нее. Женщину гораздо больше волновал вопрос, что делать с не иссякшим в душе чувством. «Долой обиды, метания! – решила Алла. – Нужно во что бы то ни стало вернуть любимого!»

Книга также издавалась под названием «Развод по-русски».

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Диана Машкова

Я хочу быть с тобой

© Машкова Д., 2014

© Мартынюк Е., иллюстрация, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

*** * ***

Вместо предисловия

Любое человеческое творение, будь то литература, музыка или живопись, – это всегда автопортрет.

Самюэль Батлер

Абсолютно счастливый человек не становится ни философом, ни поэтом – эту простую истину, как и многие другие, я усвоила в юности благодаря своему учителю, профессору философии Эмили Тайсиной. То же, по сути, и с писателем, который берется за перо, чтобы найти ответ на излюбленный аристотелевский вопрос: «Как человек должен жить?» Неважно, ставит автор перед собой цель развлечь читателя или рассказать правду о жизни – на мой взгляд, в сочетании обе задачи особенно хороши, – главное, чтобы в истории раскрывался ответ.

В моей жизни, как и в любой другой, крушений и разочарований было немало. Не раз приходилось начинать все с нуля, оставляя позади прежние цели и «впустую» потраченные годы, а иногда десятилетия. Не раз возникало отчаяние. Но секрет успеха, на мой взгляд, не в том, чтобы избежать ошибок, – это бессмысленно, даже вредно, поскольку лишает бесценного опыта. Гораздо важнее научиться подниматься после падений и любой жизненный кризис превращать в новую ступень своего развития.

История этого романа не случайна. Мне в некотором смысле пришлось ее пережить: и долгие годы борьбы за благополучие, и необдуманый брак, и неизбежный кризис, и потерю прежних жизненных ценностей. Был момент, когда за руинами прошлого я не могла разглядеть будущего: только туман. А потом вдруг возникла чужая беда, с ней пришлось столкнуться лицом к лицу; обнаружились людские страдания, о которых мы слышим, но порой отказываемся на них смотреть.

Можно бесконечно долго искать себя в жизни, и это, как мне кажется, оправданный путь. Но не стоит забывать и о том, что смысл жизни прежде всего в ней самой.

Новый роман – это еще одна дорога вместе с читателем к счастью.

С глубокой благодарностью самым близким людям и первым читателям – маме, мужу и дочке.

Часть I

Глава 1

Любовь – вещь идеальная, супружество – реальная; смешение реального с идеальным никогда не проходит безнаказанно.

Иоганн Вольфганг Гёте

Огромное зеркало в золоченой раме отражало обнаженную Аллу – от небрежной прически до маленьких пальцев ног. Она неуверенно топталась, поворачиваясь то одним боком, то другим на фоне спальни в стиле дворцовой классики. Ей казалось, что если бы она была мужчиной, то испытывала бы страсть к такому, как ее, телу: гибкому, по-мальчишески тонкому, но все же с чувственными округлостями. А Вадим его словно не замечал. Как ни старалась Алла обратить на себя внимание мужа, как ни сходила с ума от бессмысленного желания, супруг оставался слеп.

Радея о справедливости, Алла вспомнила про приглушенный свет: может статься, в полумраке восточному образу с блестящими смоляными волосами – всегда знала, что ее предками были древние арии, – не хватает правдивости? Алла решительно подошла к выключателю и нажала на него

большим пальцем. Под высоким потолком разноцветными брызгами вспыхнула хрустальная люстра.

Вернувшись к зеркалу, она встала ближе, рассматривая каждую деталь. Результаты мануального исследования и визуального сканирования радости не принесли: выяснилось, что бедра все-таки расплылись вширь за годы сидения в офисе, на боках появились заметные складки, а ноги, наоборот, истончились и потеряли рельеф. Неприятные перемены не были катастрофой, но Алла чувствовала, что пора спасать положение: природа больше не собирается великодушно исправлять ее ошибки. Работа с утра до поздней ночи, питание как придется, усталость, из-за которой она не могла вытащить себя ни в бассейн, ни в спортзал даже по выходным, ей больше не подходит.

Алла бросила последний взгляд на свое отражение, поставила диагноз «потеря контуров» и, отвернувшись, торопливо накинула шелковый халат. Неудивительно, что муж переменялся к ней в последнее время: только ослепнув, мужчина, глаза которого хранили память о некогда идеальном теле, мог желать его после таких перемен.

Но были и другие причины охлаждения. Слишком долго она играла роль главы семьи: служила добытчицей, воином. Женщины в ней оказалось мало, и Алла относилась к этой части себя с презрением. К тридцати трем годам она не усвоила элементарной истины: боевой товарищ не обязан вызывать у нормального мужчины сексуальных желаний. Вадим

и так долго держался в этом королевстве кривых зеркал, где она играла роль мужа, а он – жены.

Только после дорогостоящих походов к психологу и изнурительного душевного сопротивления стало ясно: нужно что-то менять.

Судьба, словно наблюдавшая за ее метаниями, тут же предоставила шанс, о котором никто ее не просил: банк, в котором Алла работала с момента окончания университета и доросла до вице-президента, приказал долго жить.

Обретя статус, сделав карьеру, дойдя до вершины успеха, Алла Немова вынуждена была развернуться на девяносто градусов и кубарем полететь вниз. Она потеряла работу, равную которой из-за затянувшегося кризиса было уже не найти. В считанные месяцы превратилась в самую нерадивую домохозяйку из всех, когда-либо существовавших в природе. И теперь единственным выходом из депрессии, в которую она погрузилась, ей виделось освоение новой роли – жены. Возможно, удастся даже справиться с внутренними страхами и изменить отношение к материнству. Лишь бы только преодолеть панический ужас перед добровольным заключением длиною в жизнь!

Домофон пронзительно пискнул два раза. Алла вздрогнула.

Ей уже хотелось отказаться от нелепой затеи «соблазнения мужа» и не ломать комедий, но премудрая психологиня, поход к которой Алла и без того считала своим моральным

падением, приказала немедленно разыскать в себе женщину. Перестать концентрироваться на карьерных вопросах и сосредоточиться на отношениях с мужем, который охладел к супруге по вполне понятной причине – устал видеть в доме вице-президента вместо жены.

Алла поверила. Она готова была принять за истину в последней инстанции даже рассказы кота Баюна, несмотря на угрозу быть съеденной. Лишь бы вернуть себе почву под ногами.

Она бросилась к комоду, вытащила коробочку с новым бельем – кружавчики, рюшечки, – поморщилась и кинула ее на кровать. Следом полетели чулки с ажурной резинкой. Пошарила под королевским ложем в поисках туфель на высоченном каблуке и облачившись в заранее купленные «доспехи», взглянула на себя в зеркало.

Недурственно. Даже при свете. Только выйти к Вадиму в таком облачении ни с того, ни с сего было страшно. Требовалась надежная маскировка.

Алла распахнула платяной шкаф и запустила в его недра дрожащую от волнения руку. Даже приезд в Москву владельца банка накануне краха не вызывал в ней такого панического страха. Перебирая брючные костюмы – не то, не то и не то! – пальцы погрузились в мех. От неожиданности она отдернула руку, а потом вспомнила о королевском подарке Маккея на прошлый Новый год. Алла так и не решилась надеть роскошную шубу, предпочла запихнуть ее в дальний

угол и забыть. Но сейчас привередничать времени не было. Она извлекла на свет белую норку и поспешила набросить ее на плечи. Отражение в зеркале волшебным образом переменялось: Алла превратилась наконец в шикарную женщину, перед которой не смог бы устоять даже муж.

Чудесное настроение белым голубем затрепетало в груди: «пока смерть не разлучит нас», кое-что еще можно исправить.

Окрыленная, Алла влетела в столовую. Схватила с подоконника зажигалку и бросила ее на накрытый стол рядом с хрустальными подсвечниками, чтобы потом не искать. Поменяла местами салатницы из тончайшего, светящегося изнутри фарфора, поставила ровнее тарелки, передвинула серебряные вилки, ножи. Все! Четыре, три, два, один...

Она не успела придумать, как объяснить мужу свой странный наряд – уже раздался звонок.

– Вадим?! – задыхаясь, выдохнула через дверь.

– Кто же еще... – В голосе знакомое раздражение.

Алла научилась в последнее время принимать интонации мужа как должное: и у него начались проблемы на работе. Один за другим замораживали доведенные до сдачи объекты. Некоторые подмосковные дома Вадим принял решение продавать по себестоимости: на поддержание компании денег катастрофически не хватало. А тут еще жена не могла помочь – последний обещанный кредит сначала повис в воздухе, а потом обернулся отказом. Алла понимала, что долж-

на, хотя бы морально, поддержать мужа – не это ли долг настоящей женщины?

Ключ застрял в замочной скважине. Вадим за дверью дошел до точки кипения, а Алла – кто бы мог подумать, что встреча с супругом после семи лет совместной жизни может оказаться такой нервной, – никак не могла открыть.

– Куда-то уходишь? – с порога бросил жене Вадим.

Алла расстроилась: ни намек на цветы. Он и помнить забыл о ее дне рождения!

– Нет. Хотела, чтобы мы съездили за шампанским.

Экспромт не удался. Вадим презрительно сморщился:

– Ты заболела?

Он покачал головой и посмотрел на супругу так, словно застал ее выплясывающей канкан посреди кладбища.

– Похоже на то, – Алла держалась стойко: на войне как на войне.

Вадим вздохнул и, тут же забыв о жене, начал развязывать шнурки на ботинках. А она, несмотря на клятвенное обещание психологине идти до конца и не сдаваться при первых же трудностях, побрела в спальню, царапая тонкими шпильками дубовый паркет. «Оставь надежду всяк сюда входящий» – тихим шелестом пронеслось в голове, когда она вернулась под свет обличительной люстры, заперла за собой дверь и без сил опустилась на пол.

Месяц назад Алла купила билеты на последний концерт Scorpions – Вадим с детства бредил «Скорпами». И что же в

ответ? «Последнее растрянжиришь». Пришлось ехать в кассу, сдавать. На прошлой неделе она – человек, для которого было проще написать устав новой компании, чем пожарить яичницу, – полдня лепила его любимые пельмени. Справилась. А он даже ужинать не стал. На все попытки приблизиться, прикоснуться, обнять – «Алена, отстань, я устал». Раньше у нее была работа, психотропный препарат с отличным эффектом «забывчивость», а теперь она помнила каждое слово мужа и понимала, как сильно все изменилось.

Конечно, это можно было объяснить: вчерашний мальчишка вырос, превратился в собственника пусть небольшой и не слишком прибыльной, но все-таки крепкой компании. Теперь оставалось признать, что Алла тоже способна меняться – стать заботливой, мягкой, слабой. Но он видел ее совершенно в другом свете. За годы брака Вадим привык к мысли о том, что Алла всесильна. Все так и было. Деньги? Партнерство? Протекции? Она умела устроить для него что угодно. Порой чересчур дорогой ценой, но могла.

А теперь? Целыми днями она неуклюже, но старательно занималась непривычными делами: убирала, готовила, гладила, ходила за продуктами в магазин, не обращая внимания на подколки Вадима. В промежутках между домашними заботами Алла, по настоянию мужа, безнадежно билась в закрытые двери. Поиск новой работы она начала со звонков приятелям и бывшим партнерам.

Но как только руководители отделов, дирекций и депар-

таментов слышали прелюдию «ты знаешь, у нас ситуация в банке тяжелая», тут же соловьиной трелью звучал ответ о собственных вселенских бедах, после чего «приятели» спешили свернуть разговор. Ничего удивительного в этом не было: армия безработных банковских служащих ежедневно пополнялась рядами уволенных. У Аллы по крайней мере формально еще сохранилась работа, у многих давно не было и этого.

Конечно, она ни минуты не сомневалась в том, что инвесторы в скором времени выведут из России свой капитал, и тогда банк закроется официально. Семейный бизнес в Англии, который, судя по публикациям в СМИ, требовал срочной поддержки, был для западных владельцев гораздо важнее скромного банка в России. Кроме того, пара сотен сотрудников из чужого народа не требовала исполнения моральных обязательств – это было обычное пушечное мясо в финансовой войне.

С грядущим увольнением Алла уже смирилась: ей давно хотелось разрубить гордиев узел, и банкротство компании вполне подходило на роль клинка. Но ее беспокоил Вадим, который, несмотря на все усилия, не желал видеть в ней женщину.

За семь лет супружества Алла довела стремление приносить пользу семье до абсурда. И получила закономерный результат – как только тягач сошел с дистанции, он стал не нужен. В собственный тридцать третий день рождения, сделав

отчаянную попытку вернуть потерянное расположение мужа, она отчаялась.

Вадим так и не переступил порога супружеской спальни, словно она была заговорена или охранялась василисками. У него, накрученного на работе очередной остановкой какой-нибудь стройки, просто отшибло память.

Алла, тяжело вздохнув, встала с пола, сняла несчастливую белую норку и бросила ее на дно шкафа. Достала домашнее трикотажное платье и, стараясь не смотреть на себя в зеркало, надела. Она не собиралась выходить из спальни: сил не было видеть сейчас Вадима. Хотелось забыться и ни о чем не думать.

Очень вовремя в голову пришла мысль о том, что в нижнем ящике комода припрятана бутылка отличного виски. Остатки былых роскошеств, преподносимых к Новому году партнерами. Алла решительно дернула ручку комода на себя. Синяя с золотом коробка загадочно мерцала на дне.

Женщина открыла замочек, подняла крышку, обитую изнутри тонким шелком, и вытащила бутылку.

– За меня? – спросила Алла зеркало и отвинтила крышку.

Глава 2

*Мужщин опасность подстерегает повсюду, а
женщин главным образом в любви.*

Агата Кристи

– Алена!

Она вздрогнула, с трудом вырвавшись из проклятых мыслей, и не сразу сообразила, что Вадим стоит за дверью спальни.

– Не обижайся, – в голосе звучало раскаяние, – я полный болван!

Сочтя за благо не вступать в диалог раньше времени, Алла спрятала бутылку в шкаф и неслышно, на цыпочках, подкралась к двери.

– Прости, что забыл про твой день рождения! Открой, пожалуйста, я исправлюсь.

Алла замерла, боясь спугнуть надежду. На щеках появился легкий румянец, глаза засияли. Вздволнованная, она распахнула дверь. Но вместо праздничного букета любимых бежевых роз в нос ей уткнулись три гвоздики с головами, скорбно свесившимися набок. Такие цветы в октябратском прошлом она возлагала на двадцать второе апреля к памятнику Ленина.

– Это тебе.

– Спасибо.

Гвоздики пахли осенью.

– Прости, замотался. Себя не помню... – бормотал Вадим, втискивая ей в руки цветы.

– Ничего, – Алла опустила голову, – я понимаю.

Он смущенно кашлянул, покраснел и, ничего не объясняя, скрылся в кабинете. Послышался грохот открываемого ящика, потом шуршание бумаги. Через мгновение Вадим стоял перед Аллой, протягивая ладонь, на которой красовалась изящная коробочка красного дерева.

– Что это? – Она замерла, не веря глазам.

– Подарок, – муж расплылся в улыбке и стал вдруг снова похож на молодого Марчелло Мاستроянни.

Сердце Аллы заколотилось.

– Вадюша, – пролепетала она, задыхаясь от счастья.

Ни разу в жизни муж не дарил ей подарков – только цветы по праздникам. Они оба считали дары пустым транжирством и глупыми сантиментами. Но сейчас ощущение неземного восторга захватило Аллу. Наверное, это волшебство и называлось «чувствовать себя женщиной». Кто бы мог подумать, что оно настолько приятно?

– Открой, – он засмеялся, – ты же еще не знаешь, что там!

Алла осторожно взяла коробочку, коснувшись пальцами горячей руки мужа. Неловко попыталась открыть. Мешали цветы, она прижала их локтем, чтобы освободить руки. Несчастные гвоздики посыпались на пол. Одна из них тут же переломилась у основания – кровавая головка теперь лежала

отдельно от стебля. Алла замерла испуганно, как ребенок.

– Ну что ты, – Вадим опустил перед женой на корточки и собрал цветы, – починим, будет как новенькая.

Вот теперь перед Аллой стоял тот самый единственный человек, который был ей по-настоящему близок. Вадим поднялся.

– Открывай! – поторопил он, кивая на коробочку. – Вдруг не понравится.

Алла изобразила на лице протестующую гримасу, давая понять, что она уже без ума от подарка. Пальцы легли на крышку и потянули ее вверх. Коробочка распахнулась. Изящные длинные серьги, украшенные бриллиантами и сапфирами, приковали к себе взгляд, словно явились из сказки.

– Когда ты успел?!

– Что именно?

Вадим был доволен собой, а заодно произведенным эффектом.

– Найти такой подарок...

– Давно, – он отмахнулся небрежно, – специально для тебя сделали. Это же на заказ. По моему эскизу.

– Боже!

– Нравится? – Он прищурился.

– Нет слов! Такие чудесные...

– Давай примерь.

Алла послушно кивнула. В ее синих, как сапфиры, глазах стояли слезы. Вадим вошел в спальню, бросил цветы на ко-

мод и притянул Аллу к зеркалу. Она застыла, онемевшая и счастливая. Мужчина осторожно отвел прядь черных волос от уха жены и аккуратно вынул сережку.

– Дай мне, – тихо попросила она: мамины серьги, которые Алла носила не снимая с шестнадцати лет, были ее единственным украшением.

– Не бойся, не потеряю. – Вадим вынул из коробочки свой подарок.

Не так-то просто было попасть в тонкую дырочку в мочке уха – Алла сама постоянно мучилась, если под рукой не оказывалось зеркала, – но Вадим справился за считанные секунды. От легкого прикосновения его пальцев по телу пробежала сладкая дрожь. Алла едва держала себя в руках, пока Вадим менял серьгу во второй мочке: желание заставляло голову кружиться, перед глазами всполохами плясали огни.

Вадим наконец закончил и отступил назад, чтобы полюбоваться на результат собственных трудов. Алла даже не взглянула в зеркало: искала ответа в его глазах.

– Здорово, – выдохнул он. – Какая ты все-таки красивая женщина.

– А ты невероятный талант, – прошептала она.

Положила коробочку с мамиными сережками на комод и, подойдя к мужу, прижалась к нему. Он позволил себя поцеловать: сначала в щеку, потом в губы. Даже коротко ответил на ее поцелуй, но тут же отстранился.

– Покормишь меня? – попросил он неуверенно.

– Конечно, – она улыбнулась и потрепала его по щеке, – пойдём.

Алла вложила свою ладонь в теплую руку мужа, которая теперь казалась ей спасительным якорем, и повела за стол.

Вспомнив про цветы, Вадим оставил Аллу зажигать свечи, а сам вернулся в спальню. Разыскал в жестяной коробке среди пуговиц и ниток тонкую иглу и, вставив один ее конец в стебель сломанной гвоздики, а другой – в головку цветка, принес к столу свой скромный, зато целый букет.

– Ворожишь? – Алла рассмеялась.

– Нет, только учусь, – пробормотал Вадим, ставя цветы в хрустальную вазу.

– Ты думаешь, – Алла посмотрела на него испытующе, – она выживет?

Он не ответил, только пожал плечами и отвел глаза.

Ужин растянулся до позднего вечера. Оба молчали. Вадим не говорил, видимо, устав от бесконечной болтовни на работе, Алла боялась испортить ненужным словом волшебное настроение. Временами она тайком поглядывала на свое отражение в окне и поражалась женственной красоте, невесть откуда взявшейся в ней. В мерцающем свете свечей сапфировые серьги дарили лицу таинственность и яркость, которых она раньше не замечала. Черная, жгучая, Алла была похожа на страстную испанку, рожденную для любви. Видел ее Вадим такой или нет, она не знала.

– Алла. – Он поставил на стол пустой стакан из-под виски

и полез во внутренний карман пиджака за табаком.

– Что? – Она вся сжалась в предвкушении терпкого вишневого запаха. Этот аромат действовал на Аллу словно гипноз: по комнате еще только начинал ползти сизый дым, а она уже сходила с ума от желания, ставшего бесполезным и оттого болезненным в последние месяцы.

– Как у тебя с работой? – Муж посмотрел выжидающе и, скрутив папиросу, неторопливо лизнул край тонкой бумаги.

– Никак, – первая струя дыма с напором отправилась в потолок, Алле почти не досталось сводящего с ума запаха. Но она знала, что, не найдя выхода, аромат начнет расплзаться по гостиной, и терпеливо ждала.

– Тебе нужно чем-нибудь заняться, – Вадим смотрел на нее в упор.

– Думаешь?

– Уверен, – он говорил спокойно, но губы его вытянулись в тонкую чуть подрагивающую нить, – нельзя оставаться без дела и без дохода.

– За двенадцать лет у любого человека в карьере может случиться хоть один перерыв, – Алла, прищурившись, смотрела на мужа.

– Дело не только в карьере. – Вадим бросил окурок в стакан. Зашипев, он потух, а стекло изнутри покрылось серым налетом.

– В чем? – Алла сверлила его настороженным взглядом, и муж не выдержал, отвернулся. – Я думала, пора заняться

семьей...

Она споткнулась на этом слове, но произнести следующую фразу было еще труднее:

– Мы могли бы... завести ребенка...

– Это вряд ли.

– Почему?!

– Алена, я слишком хорошо тебя знаю.

– Люди меняются.

– Я не верю, – он вздохнул, – даже если так. Все равно...

Он оборвал фразу и не собирался заканчивать недосказанную мысль.

– Что? – Алла беспокойно заглядывала в его глаза.

– Ничего!

– Вадим, – Алла улыбнулась, – ты же знаешь, со мной можно говорить откровенно.

– Не сегодня.

– Почему?!

– Алена, – он тяжело вздохнул, – давай не будем портить вечер. Тебе налить еще?

– Нет! – упрямство взяло верх. – Сначала ответь на мой вопрос. Почему мы не можем родить ребенка?!

Она смотрела на Вадима так, словно он сидел перед ней на допросе.

– Есть причина, – Вадим произнес эти слова через силу.

– Какая?

Он помолчал, изучая выражение лица жены. Как обычно,

кроме решительности и мужественности, ничего не нашел.

– Прости. Не хочу сегодня, это неправильно...

– Говори!

– Потом.

– Нет!!!

Он посмотрел на нее затравленным взглядом и выдохнул:

– Я не могу больше с тобой жить.

Алла замерла. Слова мужа прозвучали как взрыв и повисли в воздухе, оставив за собой звенящую тишину. Пауза тянулась долго: до тех пор, пока на Вадима не нахлынуло неприятное чувство вины.

– Тебе нужна настоящая любовь, – он словно говорил с другом, который хотел услышать совет, – а не иллюзии и не чувство долга.

– Бред сумасшедшего... – В горле стоял ком, Алла чувствовала, что еще чуть-чуть – и острая жалость к себе вырвется наружу потоком слез.

Глупо. Она никогда и не перед кем не плакала.

– Ты сама знаешь, что это правда, – Вадим отвернулся.

– Нет! Что же мне делать? – Алла глотала слезы.

– Ты красива, умна, – он ободрял ее, утешал, – просто живи. Так, как тебе хочется.

– Мне хочется с тобой... с нашим ребенком.

– Не ври хотя бы себе, – он снова полез за табаком, – ты никогда не хотела детей. Да и я уже все решил.

– Что именно?

– Странный вопрос, – он сосредоточенно скручивал новую папиросу, – по-моему, ты все поняла.

– Нет... – Алла едва шевелила губами.

– Я решил от тебя уйти. Извини, не думал, что придется вот так...

Она смотрела на него, не понимая смысла этой фразы. Ему некуда было идти: с матерью он не станет жить, бабушкину квартиру давным-давно продал ради бизнеса. Зачем уходить?

– Где ты будешь жить? У тебя...

– Твои сведения устарели. – Он встал из-за стола и подошел к окну, повернувшись к жене спиной. – Не беспокойся обо мне. Это смешно.

Действительно, смешно. Слезы, несмотря на ее старания, застили глаза, Алла сочла за благо отвернуться, чтобы он не увидел.

За прошедшие годы она привыкла считать себя защитой и опорой для мужа. Ей и в голову не могло прийти, что ответственность за Вадима, который всегда нуждался в ней, вдруг куда-то исчезнет.

– Хочешь, завтра поговорим, – с удивлением услышала Алла собственный спокойный голос, – решим все проблемы.

– Не надо строить из себя Мату Хари, – Вадим сверкнул злыми глазами, – поздно! Я все сказал, других слов у меня нет.

– Ясно. – Алла почувствовала, как ноги и руки ее дрожат,

но держалась. Она не могла позволить себе быть слабой – мужской характер всегда избавлял ее от унижений «прекрасного» пола и делал ровней в глазах мужчин.

– Слишком поздно, – Вадим поднялся и застыл перед ней: красивый, желанный, – прости. Мы проиграли.

– В чем?

– Ты знаешь сама.

– Объясни!

Он не ответил – только наклонился, чтобы по-родственному нежно поцеловать ее в щеку.

– Не переживай, это обычный развод. Я не хотел в твой день рождения, правда, – он торопливо шептал, – но ты заставила. Пойми, все ушло. Мы не можем жить вместе...

– Но...

– Не надо ломать себя, будь свободной. – Он погладил ее по голове и вышел из комнаты.

Глава 3

*Кто не видел влюбленной женщины, тот не
может сказать, что такое женщина.*

Теофиль Готье

Пагубная привычка вскакивать в семь утра даже по выходным притащила Аллу на стройку за двадцать минут до назначенного срока. Она недоверчиво покосилась на небо – вот-вот польет – и отругала себя за пижонство. Испанский плащ невероятной красоты из тонкой, как шелк, кожи цвета перванш был куплен для новой должности и ради статуса. В нем так и хотелось заглядывать в стекла и зеркала, чтобы поверить: в двадцать пять лет человек способен руководить юридическим отделом международного банка! Подчеркнутый статус был нужен как воздух – помогал отвести взгляды людей от двух главных недостатков, которые водились за Аллой: юного возраста и женского пола.

Однако рядиться в солидную бизнес-леди ради похода на стройку было пустым расточительством. Да еще надоевшие каблучки – компенсация невысокого роста. Бросив второй подозрительный взгляд на тучи, Алла засеменила к воротам, у которых маячила мужская фигура в драповом полупальто. Незримый доселе риелтор – судя по его внимательным взглядам на дорого одетых женщин, это и был он – при приближении материализовался в неприметного юношу.

Невыразительное лицо, слишком тонкая верхняя губа. Да и ростом парнишка не вышел: едва ли дотягивал до отметки метр семьдесят пять. У Аллы, переболевшей в юности комплексом неполноценности на почве роста, был на удивление точный глазомер. Распрямив плечи и набросив на лицо маску высокомерия, она уверенным шагом направилась к своему vis-à-vis.

– Здравствуйте, – молодой человек поприветствовал ее неуверенно. – Алла?

– Да, – согласилась она и нахмурила брови: молодость торговца недвижимостью оказалась издевательской, – спасибо, что согласились встретиться в выходной.

– Ну что вы, – мальчишка заметно нервничал, – всегда с удовольствием.

Он сделал пригласительный жест и одновременно покосился на обувь клиентки.

– Что, не подходит? – с вызовом спросила она.

– Нет, все в порядке. Я помогу.

Заглянув за забор, на заваленный строительным мусором двор, который утонул в жидкой грязи, Алла выругалась про себя. Тропинка, выложенная из досок, требовала как минимум циркового училища за плечами от тех, кто надеялся попасть к новому дому и не запачкать ног. Будь она в кроссовках, конечно, не сомневалась бы ни секунды: мало в детстве лазила по заборам и крышам? Но проклятые каблуки, служившие отличную службу ее имиджу в банке, сейчас были

нужны словно рыбке зонтик.

Риелтор обреченно вздохнул и подал Алле руку:

– Идемте.

Она проигнорировала его протянутую ладонь и шагнула на качающуюся из стороны в сторону доску. Пошатнулась, позорно взвизгнула и невольно вцепилась в руку мальчишки. Юноша галантно подождал, когда она отыщет баланс, и решительно ступил в грязь, с чавканьем поглотившую его ботинки по самые шнурки.

Покупатель и продавец медленно двинулись вперед. Алла не первый год работала в банке и прекрасно знала, чем продиктовано самопожертвование паренька: предвкушение денег многих сводит с ума. Согнутую в локте руку он держал ладонью вверх так твердо, что Алла в конце концов приняла ее как единственную опору. Продавец, не обращая внимания на то, что жуткая грязь уже добралась до края его брюк, расписывал прелести новостройки.

– Осторожно, – предупредил он Аллу у края доски и показал охраннику пропуск: – Нам в этот подъезд.

– Дом уже сдан? – уточнила покупательница, отгоняя мысли о загубленной обуви своего провожатого.

– Да, – он кивнул, – и распродан. Осталась только одна квартира на последнем этаже в угловом подъезде.

Молодой человек посмотрел на Аллу испытующе: ей показалось, хочет понять, окупятся в результате предстоящего восхождения принесенные жертвы, или он напрасно испор-

тил обувь.

– Что, лифт не работает? – догадалась она.

– Не работает, – он улыбнулся и вдруг стал похож на молодого Мастроянни – Алла даже отпрянула в изумлении, – но если не хотите подниматься на пятнадцатый этаж, можем посмотреть квартиру на первом. Все то же самое.

– А вид из окна?

Мир так устроен, что приходится постоянно быть начеку: торговцы недвижимостью считают делом чести обманывать неразборчивых покупателей. Это и есть бизнес.

– Ладно, – он пожал плечами, – но подниматься нам высоко.

– Справлюсь, – она решительно направилась к лестнице, – не такая уж я старая.

– Скорее наоборот, – осмелевший малец окинул ее раздевающим взглядом, – только вот каблуки...

Алла усмехнулась про себя. Единственное, что ее устраивало в собственном женском облике, – это возможность манипулировать поведением мужчин. И хотя этот юнец не представлял, по сути, ни коммерческого, ни делового интереса, она решила, что простит ему похотливый взгляд. В счет испорченных ботинок. Но на этом они будут квиты.

– А вы молодец, не устаете, – услышала она за спиной после восьмого пролета.

– Хожу в спортзал.

– Здесь неподалеку отличный спортивный клуб, всего

пять минут пешком.

Он не упустил случая вернуться к продажам.

– Я пока еще не купила квартиру, – поддела она, – а вы говорите, клуб.

– Купите, – искренне заверил риелтор, – главное, поставить перед собой амбициозную цель!

Воспользовавшись ситуацией, чтобы передохнуть, – все-таки скалолазание на каблуках отличалось от бега по спортивной дорожке в кроссовках – Алла резко остановилась и обернулась к юноше:

– А у вас она есть?

– Кто?

– Цель.

– Не знаю...

– Цена человека не выше цены его амбиций, – уколола она.

– Вы слишком жесткая, – он не обиделся, зато улыбнулся в тридцать два зуба.

– Не я, Марк Аврелий.

Молодой Мастроянни смотрел на нее снизу вверх, стоя на пару ступенек ниже. Когда он скалился, держаться королевой перед ним было непросто. Алла украдкой шмыгнула носом, не вовремя потекшим от физической нагрузки на бесконечной лестнице, и отвернулась. Провожатый сделал вид, что не видит ее замешательства.

– Можно я покурю? – Наконец он нашел повод дать ей

передышку.

– Пожалуйста.

Алла кивнула и с облегчением прислонилась к перилам.

Нимало не заботясь о своем пальто, юноша уселся прямо на лестницу. Порылся в глубоком кармане, достал небольшой узкий пакет, из которого извлек папиросную бумагу, табак и начал со знанием дела сооружать самокрутку. Алла наблюдала за его движениями и не могла отделаться от мысли, что образ юноши не вяжется с его официозным видом. Если носишь классическое пальто, брюки со стрелками и начищенные до блеска ботинки – по крайней мере, так выглядела его обувь до погружения в грязь, – какое может быть сидение на полу и скручивание папирос?

Риелтор провел языком по краю сигарки, заклеил ее и, сунув в рот, полез в карман за спичками.

Сизый ароматный дым заскользил по стене к потолку: запах оказался приятным. Да и вкус, судя по блаженному выражению лица провожатого, отличался благородством. Так они курили молча пару минут – парнишка, прикрыв от удовольствия глаза, втягивал дым через рот, Алла, расширив ноздри, вдыхала носом.

– Приятный запах, – заметила она.

– Лучше сигаретного сена, – согласился юноша и посмотрел на Аллу, прищурившись, – только если не курите, не надо пробовать.

– Почему это?

– Вредно, – сообщил он серьезно, – вам еще детей рожать.

Отведенный мальчугану лимит вольностей был на этом исчерпан, и Алла собиралась обрубить его наглость.

– Не усердствуйте некстати.

– Простите, не это хотел сказать.

– Тогда помолчите!

Он взглянул на нее затравленно, мысленно оценил риски и замолчал. Инцидент казался исчерпанным, но Алла долго не могла успокоиться: даже родная мать не указывала ей, рожать или не рожать. Все вокруг знали, что Алла не терпит, когда ее пытаются втиснуть в пошлые рамки женских предназначений, – она с детства была другой. И уже успела доказать всем, что в ее жизни отлично работают мужские цели и интересы. Многие люди в двадцать пять лет могут похвастаться двумя дипломами, пятилетним стажем работы и ключевой должностью в западном банке? Многие сумели самостоятельно заработать на первый взнос за квартиру и получить кредит? Никто среди знакомых ей парней! Если у кого-то из них и была собственная недвижимость, то лишь по той причине, что ее подарили родители. Девушек Алла даже в расчет не брала – соревноваться имело смысл лишь с равными.

Она решила, что не станет покупать квартиру у этого продавца: и вариант неподходящий – слишком дорого, последний этаж, – и поощрять его развязность не стоит. Оставшийся путь на пятнадцатизэтажную вершину потерял всякий

смысл, но она шагала со ступеньки на ступеньку из врожденной привычки доводить любое начатое дело до конца.

– Вот, – риелтор широким жестом обвел бетонную пещеру. Алла потопталась на пороге и отправилась на экскурсию по серым безликим колодцам, которые чьими-нибудь стараниями превратятся рано или поздно в кухню, ванную, гостиную, спальню.

– Сколько общая площадь? – без интереса спросила она.

– Девяносто.

– Много.

– Меньше уже нет. Но на эту квартиру будет скидка.

– Окна куда выходят?

– Во двор.

– Почему ее до сих пор не купили?

– Идите сюда, объясню.

Она удивленно простучала каблуками следом за нерадивым продавцом в полумрак бетонного мешка, который в перспективе должен был величаться кухней.

– Вы не заметили? Здесь очень темно.

– Заметила, – безразлично согласилась Алла.

– Вот и причина.

Он кивнул на окно, в котором вместо неба виднелась часть кирпичной стены соседней секции дома. Алла могла бы и сама догадаться, что, если подъезд угловой, на панорамные виды рассчитывать не придется. И желающих приобрести такое жилье будет меньше.

– Плюс последний этаж, – добавил он и произнес: – Я бы на вашем месте не покупал.

Забавный малый. Неужели у человека хобби – лазать по грязным стройкам, не думая о комиссии? Аллу развеселила глупость ситуации, и она решила проиграть ее до конца:

– Мне свет на кухне не нужен, я не люблю готовить.

– Последний этаж.

– Зато соседей нет сверху.

– А что, если лифт сломается?

– Нет проблем, поднимусь пешком.

– Зачем вам одной девяносто метров?! – продолжал отбиваться он. – Ремонт делать замучаетесь.

– Не ваша забота!

– Я бы поспорил.

– Да?!

– Пятый курс МГСУ, – неожиданно отрекомендовался риелтор, – факультет строительства и архитектуры. Могу сделать для вас проект, найти рабочих, побыть прорабом.

– На рынке ремонта дефицит опытных специалистов?

Она сделала ударение на предпоследнем слове.

– Бесплатных – да.

– Надо же, какая удача.

– Угадали, – мальчишка окончательно сбросил с себя официоз и расслабленно потянулся. – Все. Пойдемте отсюда! Вы же не собираетесь ничего покупать.

– Откуда такая осведомленность?

– Оттуда, – он зевнул, – лучше выпьем кофе. Я сегодня не завтракал.

Алла, не выдержав, рассмеялась: комедия «клиент – риелтор», которую они ломали целых тридцать минут и несколько дней подряд по телефону, теперь казалась асбурдом. Она со своим имиджем крутой покупательницы, он с услужливой миной расторопного продавца. Можно себе представить, как это смотрелось со стороны: мал мала меньше играют во взрослые игры. Только сбросив шкуру дельца, которая несколько ему не шла, парнишка стал настоящим.

– Есть условие, – Алла прищурилась, – галстук сними.

– Зачем это?

– Тебе не идет.

– С тобой не соскучишься, – он удивленно поднял брови.

– У тебя интуиция, Владимир.

– Вадим.

– Извини. Не расслышала по телефону.

– Извиняю, Аленочка, – он беззастенчиво заглянул в ее сапфировые глаза, – но в первый и последний раз.

– Меня зовут Алла!

– Это слишком официозно, – Вадим обезоруживающе улыбнулся, – Аленочка в самый раз.

Алла, как ни старалась разозлиться, сумела лишь засмеяться. Они еще долго стояли в загадочном полумраке кухни и улыбались друг другу.

Вниз по лестнице ребята бежали с такой легкостью, слов-

но сбросили по стопудовому грузу. Алла рассказывала о своих многомесячных поисках квартиры: в старых домах ее не устраивала планировка, в новых – крошечная пустота. Вадим задавал вопросы и слушал с таким интересом, словно эти поиски жилья касались его лично. Он не комментировал, но у Аллы возникло чувство, что в памяти студента МГУ откладывается каждая деталь.

– Смотри, – когда они уселись за столик в кафе, он тут же развернул салфетку и начал стремительно чертить, – в идеале тебе подойдет такая вот планировка. Не жалея места. И обязательно делай просторную ванную комнату рядом со спальней.

– А как же гости?

Он посмотрел на Аллу так, словно поймал на лукавстве. Оставалось только удивляться, как быстро этот человек почувствовал ее. Совершенно верно: с таким образом жизни – с утра до ночи на работе – не будет никаких гостей.

– Часто они к тебе забредают? Ладно. Для гостей второй санузел, рядом с прихожей.

Алла следила за бегом карандаша. Ей безумно понравились руки Вадима: живые, уверенные. И очень взрослые, в отличие от него самого. Гибкие пальцы украшали ухоженные ногти идеальной формы – не выпуклые, но и не плоские, аккуратно подпиленные и словно сияющие изнутри чистым светом. Он чертил увлеченно, со страстью, и Алла ощущала, как возбуждение рисовальщика передается и ей. Только

в другом, измененном качестве.

– Где ты видел такую квартиру? – Она заставила себя оторвать взгляд от его рук.

– Пока нигде.

– Тогда какой смысл чертить?

– А почему нет?! Этот проект укладывается в то, что мы смотрели сегодня. Если захочешь что-то похожее.

Алла бросила короткий взгляд на Вадима и вытащила из-под его руки расчерченную салфетку.

– Возьму на память. Не возражаешь?

– Бери.

Они долго болтали ни о чем, с удовольствием завтракая. Потом он помахал официанту, чтобы тот принес счет, и решительно остановил Аллу, которая полезла в сумку за кошельком.

– Кем ты работаешь? – спросил Вадим, выкладывая на тарелку с чеком измятые сторублевые купюры.

– Юристом.

– Где?

Она назвала банк. Вадим уважительно присвистнул.

– Мне повезло, – Алла усмехнулась.

– Везения не бывает, за каждым успехом – огромный труд.

– Что-то ты не по годам мудр, – улыбнулась она.

– На себя посмотри!

Вадим и не думал теперь подбирать слова в общении с ней, но Аллу это больше не задевало. Она чувствовала его

искреннее желание помочь и еще – интерес, хотя ни единым намеком он не дал ей понять, что они созвонятся или встретятся снова. А она бы не отказалась от такого друга: что-то было такое теплое и неуловимо загадочное в этом пареньке.

Они встали из-за столика, и Алле вдруг стало не по себе от мысли, попсовым клипом промчавшейся в голове: сейчас они выйдут из кафе, попрощаются и разбредутся в разные стороны, чтобы никогда не встретиться снова.

Решение было принято за несколько секунд, пока Вадим помогал ей надеть плащ: она купит эту квартиру! Хотя бы ради того, чтобы появился ненадуманый повод завтра ему позвонить.

Глава 4

*Любовь — это удивительный
фальшивомонетчик, постоянно превращающий не
только медяки в золото, но нередко и золото в
медяки.*

Оноре де Бальзак

Мама вытерла испачканные в муке руки о фартук и опустилась на табурет.

— Что ты сказала?

— Мне надо замуж.

— Тебе?!

Алла раздраженно вскочила с места и прошла два шага вперед, два шага назад по крохотной кухне.

— Мама, ты умный человек! Профессор. Хочешь сказать, не слышала про половой инстинкт?

На последнем слове в кухонный проем просунулась чернявая голова двенадцатилетней Таньки, наострившей уши.

— Татьяна! — Мама затылком почувствовала появление младшего ребенка. — Математику сделала?

Любопытная голова с разлохмаченными после школы косицами скрылась.

— Почему именно так?

— Как?

— Он не просит твоей руки. Ты не говоришь о любви.

– А надо?

– Надо.

– Зачем?

– Боже мой!

– Тогда говорю.

Мама тяжело вздохнула и оглянулась на растерзанное тесто, замершее в позе уснувшего кратера на деревянной доске. Алла проследила за ее взглядом с опаской: еще ни разу из маминой стряпни ничего путного не получилось, но она продолжала упорствовать в своих благих намерениях. Как будто забыла, что именно ими вымощена дорога в ад.

– Ты всегда, – мама задумалась, подбирая деликатные слова, – была против замужества.

– Я не думала, что мне приспичит, – Алла нахмурила брови.

– Какой у тебя срок?

Мама держалась и делала вид, что губы ее не дрожат. А если дрожат, то от радости. Неисправимый стоик.

– Даже не надейся! Я не беременна!

– Тогда какой во всем этом смысл?

Алла оглянулась на дверь, убедилась, что Танька исчезла из коридора, и суровым, даже сердитым голосом произнесла:

– Мне нужен секс. Регулярный. Я много работаю, и у меня нет ни времени, ни желания шляться по дискотекам в поисках случайных партнеров.

Мама нервно сглотнула, но оставила заявление дочери без

комментариев.

– А что нужно Вадиму?

– Ему двадцать два года! Он нормальный парень.

– И что из этого следует?

– Что как минимум до двадцати четырех его половая активность будет только расти!

Мама сокрушенно покачала головой, но вовремя вспомнила, что сама воспитала дочь на вузовских учебниках по естествознанию и принципах натурализма. Только кто мог подумать, что вкупе с мужским характером ее девочки это образование примет такие странные формы?

– Аленький, сексуальное влечение – не повод для брака.

– А чего ты от меня хочешь?! Чтобы я вдруг превратилась в Асоль или в Сольвейг? Одурела, как все женщины, от любви?

– Не хочу.

– Правильно, бесполезно!

Алла наконец перестала мельтешить и села за стол напротив матери, взяла в свои руки ее теплые ладони с кусочками налипшего теста. Погладила жалостливо любимые пальцы: порезанные, исколотые, в мозолях.

Как же она ненавидела этот извечный женский труд! Почему профессор, мать четверых детей, обязана крутиться всю жизнь между лекциями, кухней, стиркой, уборкой и вечно сопливыми чадами?! Почему она не может, придя домой, спокойно полежать на диване с хорошей книгой? Почему

докторскую диссертацию ей приходилось писать по ночам, пока все в доме спят, а днем, шатаясь от усталости, переделывать несметное количество дел?

Конечно, Алла знала ответ: во всем были виноваты дети. Это они рождались на свет, требовали ухода, болели, лишали ее сна по ночам, а днем – покоя. Это им нужна была одежда, еда, и мама крутилась, зарабатывая в нескольких вузах. Это их проблемы она бесконечно решала, успокаивая, поглаживая, объясняя, хваля. Если бы не дети, мама написала бы десятки учебников, объездила бы все страны мира с научными докладами. И совершенно точно стала бы руководителем проекта, например, по проблеме старения в каком-нибудь баснословно богатом исследовательском институте США, в который вбухивает деньги Билл Гейтс. В этом Алла была уверена так же, как и в том, что Земля – круглая.

Но мама, умнейший, интеллигентнейший человек, любила повторять, что женщина не может быть гением. Гениальность – это удел мужчины. Только ему дана всепоглощающая страсть к науке или искусству, ради которой он может отказаться от всего остального. Вот только Аллу было невозможно этими сказками обмануть: если женщина не растрчивает свое драгоценное время и силы на воспроизводство и воспитание потомства, на унизительные заботы о муже, то и она может достигнуть небывалых высот!

За сравнениями «гениальности» далеко ходить не приходилось.

Алла обожала отца, но любовь к справедливости была такой же чертой ее характера, как и решительность. Папа откровенно не тянул на гения. За ним, как за мамой, не ходили толпы очарованных зомби – аспирантов и студентов. Он не написал докторской диссертации даже к пятидесяти годам, и это при условии, что ему не приходилось рожать, болеть вместе с детьми, лежать с ними в больницах. Мама, разумеется, находила оправдание горячо любимому мужу, которое повторяла как заклинание: «Математика – царица наук». Это вам не живые существа и их взаимодействие с окружающей средой. Это высшие сферы!

Человек верит в то, во что хочет верить, а женщины в искусстве самообмана давно побили все мыслимые рекорды.

– Мам, – Алла очнулась от мыслей и попыталась зайти с другой стороны, – я нужна Вадиму.

– Он это сказал?

– Я сама знаю, – в ее глазах читалась боль, – только это не моя тайна. Не спрашивай.

– Тебе виднее.

Алла полезла в сумку, вытащила конверт.

– Здесь немного денег. Ребятам на зимнюю обувь.

– Аленький, – мама замотала головой, – у них же все есть!

На тебе сейчас и так ремонт, кредит...

– Не бойся, – она любила такие минуты: чувствовала себя полезной и получала от этого удовольствие, – у меня все хорошо.

– Не надо!

– Мам, – Алла положила конверт на стол и прижала его сверху сахарницей с отбитой кромкой, – я давно хотела спросить. Ты, наверное, разочаровалась во мне?

– Алла...

– Подожди! Вы с папой известные люди в науке. Сашка с Ванькой поступили в аспирантуру. Танька тоже большой талант. А я, как позорное существо, всего лишь зарабатываю деньги.

– Аленький, ты не права!

– Почему?

– Ты занимаешься делом, которое любишь, – это раз. От твоей работы зависит благополучие людей – это два. Деньги, кто бы какими иллюзиями ни обманывался, составляют основу быта – это три. Мы живем в материальном мире.

– И ничего в масштабах вселенной...

– Деточка, – мама улыбнулась, – какая ты еще маленькая!

– Ладно, – Алла не получила ни одного ответа из тех, которые хотела бы слышать, и обиделась, – я пошла.

– Куда?

– Домой. И замуж, конечно.

Мама помолчала, но переубеждать дочь было бесполезно: прекрасно знала ее характер.

– Помощь нужна?

– Собери нашу дружную семейку десятого октября у меня дома. Заодно отпразднуем новоселье – как раз все закончить

должны.

– Уже через две недели?!

– А есть смысл тянуть? – Алла пожала плечами. – Документы в ЗАГС мы подали, с мамой Вадима я обо всем договорила.

– О чем?!

– О браке, – она вздохнула, удивляясь маминой непонятливости, – и о том, что надо приготовить праздничный ужин. Она займется. Все, я побегу!

Девушка нагнулась через стол и поцеловала маму в щеку. Вышла из кухни, но потом вдруг вернулась, взяла доску с успевшим заветриться тестом, безнадежным даже на вид, и опрокинула ее в мусорное ведро.

Мама проводила дочь до дверей сочувственным взглядом. Но что она могла поделать? Каждый сам пробирается сквозь толщу жизненных экспериментов. Тем более ее своенравная дочь. Если для любви нет места в системе ценностей, значит, Алла выйдет замуж ради удобства: чтобы – господи помилуй! – под рукой всегда был проверенный половой партнер.

– Всем пока! – звонко крикнула Алла в глубину четырехкомнатной квартиры, еще одной маминой заслугой перед семьей.

В ответ прозвучали разрозненные голоса домочадцев. Отец что-то буркнул из кабинета, Сашка с Ванькой в унисон прокричали «счастливо». Только Танька не поленилась выскочить в коридор.

– Когда снова придешь?

– Не знаю, работы много.

– Ммммм, – протянула сестрица с усмешкой, намекая на подслушанный «половой инстинкт».

– Танюха, – Алла улыбнулась уменьшенной копии, – маленькая ведунья!

– Вся в тебя!

– Что есть, то есть, – Алла притянула к себе Танюшу за хрупкие плечики и поцеловала в смоляную макушку. – Вырастешь, будешь ведьмой!

– Доброй?

– Не знаю.

– А ты?

– Я? – Алла задумалась. – Разной бываю. Кому как повезет.

– Вадиму повезло? – Хитрюга прищурилась.

– Да, любопытная Варвара! А ты береги нос.

Она шутливо дернула сестренку за нос и скрылась за дверью, подальше от новых расспросов. Танюха – не мама с ее деликатностью и кодексом чести: за две минуты вытрясет душу.

Девчонка как две капли воды была похожа на Аллу в детстве, за что получила в семье прозвище Клон. Такая же непоседа и атаманша – все мальчишки во дворе подчинялись ей как своему командиру. Как Алле когда-то. Алка устраивает средневековое сражение? Ура! Вытаскиваем из дерева мечи и

мастерим доспехи. Алка задумала лезть на стройку, воровать куски шифера, чтобы построить военную базу? Здорово, все в поход! Мама только вздыхала, смазывая и залечивая бесконечные синяки, раны, порезы своих девчонок. Удивительно, но сыновья доставляли ей куда меньше хлопот.

Алла улыбнулась воспоминаниям – пока не отделяла себя от мира мальчишек, которыми управляла по праву самого изобретательного и умного члена дворовой шайки, она была абсолютно счастлива. Беды начались только в десять лет, когда мама, усадив подростковую командиршу перед собой, начала вдруг рассказывать жуткие вещи. О том, что каждая девочка вырастет, становится девушкой, и тогда раз в месяц у нее начинает болеть живот – в эти дни нужно беречься. Не лазить, не прыгать, не ходить в бассейн, без которого Алка жить не могла. И такое «состояние» длится от трех до пяти дней. Алла спросила, в каком возрасте та же самая болезнь начинается у мальчишек. Ответ мамы ее убил: ни в каком.

Горькая обида на весь белый свет, с бурными слезами и злостью на несправедливость, долго мучила Аллу. У девочки началась настоящая депрессия, и мама не на шутку перепугалась. Но напрасно она пыталась рассказать дочери о «преимуществах» женской природы: о способности выносить и родить ребенка, о ценном свойстве выкормить малыша. Аллу передергивало от отвращения при разговорах на эту тему. Она безнадежно мечтала лишь об одном: родиться мужчиной. Быть существом вольным, не связанным по рукам и

ногам позорной физиологией. Выглядеть языческим богом с узкими бедрами, широкими плечами и мускулистым телом. Она раздражалась на мать и отца за то, что они допустили роковую ошибку. И переходила на другую сторону улицы, пряча глаза от унижения и стыда, если взгляд натыкался на переваливающуюся с ноги на ногу, словно гусыня, беременную женщину. Большого уродства и диспропорции ей в жизни видеть не приходилось. Кто, в каком безотчетном угаре мог именовать это беспомощное состояние красотой?!

Бедная Танька. И ей наверняка не удалось избежать подрезания крыльев безо всякой анестезии. Судя по любви к свободе, Клону тоже нелегко было пережить экзекуцию. Танюха умела за внешними признаками видеть ядро проблемы, а это свойство только усиливает страдания.

Как она спросила? Повезло ли Вадиму? Алла не знала, каким должен быть честный ответ на этот вопрос. Если судить по внешним признакам – да. Безусловно. Шикарная квартира, ремонт в которой сделан по его же проекту, материальное благополучие – это Алла могла и хотела дать будущему мужу. Но она понимала еще и то, что не станет бороться с собой: ей нравится лидерство, свобода и право выбора. Она не превратится в копию матери: прекрасно помнит, что слово «семья» происходит от древнего *familius* – домашний раб. И эта изглоданная форма человеческих отношений, как говорил Шопенгауэр, ее не устраивает. Все, что нужно от брака, – нормальная сексуальная жизнь и кое-какая взаимная

помощь. Она, Алла, убивает и тащит в дом мамонта. Она готова защищать семью от материальных невзгод. Даже инициатором брака стала она, когда почувствовала, что не хочет каждый вечер отпускать Вадима домой и потом целый день думать о том, придет он к ней после работы или нет. Гораздо правильнее было раз и навсегда закрыть этот вопрос.

«Везения не бывает, за каждым успехом огромный труд», – пронеслись в голове его же слова. Правильно. Она будет работать над благополучием семьи, а ему достанется быт. Ненавистное хозяйство, которое вызывало у Аллы чувство омерзения и головную боль. С ремонтом, во всяком случае, Вадим справился на «отлично». Значит, у него получится и все остальное. Справедливое распределение обязанностей, без глупостей и предрассудков – так и должно быть.

Расставив все по местам, Алла переключилась с мыслей о штампе в паспорте на размышления о рабочих проблемах: вчера краем уха слышала, что в банке ожидают нового президента, экспата. Кажется, по фамилии Маккей. Инвесторы недовольны работой Якова Михайловича и планируют его снять – к такому повороту нужно как следует подготовиться. Она не может сейчас позволить себе расслабиться: на ней ответственность за семью. Придется помогать теперь не только своим родителям, но и маме Вадима, и ему самому. Пока он, едва защитивший диплом, не встанет на ноги.

Глава 5

*Я люблю тебя не за то, кто ты, а за то, кто я,
когда я с тобой.*

Габриэль Гарсия Маркес

Вадим знал, что делает: он принял решение давно, как только нос к носу столкнулся с правдой о собственном браке. Винил ли он Аллу? Нет. Скорее так: он понимал жену, но не мог ее принять.

А впрочем, и сам не святой: вместо того чтобы моментально разорвать отношения и подать на развод, тянул до последнего. Дождался, когда закончится ремонт в новой квартире. Аморально? Наверняка. Но кто без греха, пусть первый бросит камень. Все давным-давно произошло. Поворачивать время вспять он не умел. Менять прошлое – тоже. Какой смысл сразу рвать и метать вместо того, чтобы плавно подвести неприятный этап жизни к концу? Единственное, что он сделал незамедлительно, как только получил информацию, – это прервал сексуальные отношения с Аллой. Больше не мог и не хотел. А спустя какое-то время и вовсе нашел ей замену: так всем было лучше.

– Вадечка, – в дверь просунулась аккуратно уложенная светлая голова, – ты ужинать идешь?

– Да.

– Я тебя жду. Рыба остынет.

Нежный и обеспокоенный голос Вали заставил его улыбнуться. Ему нравилось, как трогательно она переживает из-за самых простых вещей: чистоты окон в новой квартире, свежести продуктов, купленных на экорынке или у фермеров, идеальных стрелках на его брюках. Алла подобные «мелочи» не просто игнорировала – она даже не подозревала об их существовании! Он все и всегда делал сам.

Его ранний брак оказался ошибкой, точнее безвольным попустительством с его стороны. От начала и до конца. Он не делал выбора, не задумывался о будущем – просто шел на поводу у властной женщины и собственного животного инстинкта. Был чересчур горяч и непростительно молод, а посоветоваться было не с кем. Если бы жив был отец! Эта мысль, как всегда, больно резанула по сердцу.

Вадим быстро поднялся и пошел в ванную комнату. Плеснул в лицо ледяной водой, вымыл руки.

– Я жарить не стала, – оправдывалась Валя, подкладывая в его тарелку вареный картофель, – так полезнее. Люди для себя оставили на зиму, а я уговорила продать пару килограммов, когда за мясом ездила. Там у них еще курочка...

– Машина в порядке? – Вадим прервал щебет.

– Ой, да, – девушка благодарно кивнула, – спасибо! Такая умничка: что по бездорожью, что на асфальте.

– Вот и отлично, – Валина легкость отвлекала от неприятных мыслей, – ты, главное, осторожно.

– Я аккуратненько! Не беспокойся.

– Молодец, – заключил Вадим.

Он любил доставлять Вале радость. Разница в возрасте – шесть лет – казалась ему огромной, словно он в свои тридцать был уже старцем, а она только-только начинала жить. Каждый знак внимания с его стороны, каждый подарок девушка воспринимала как вселенское счастье, и Вадим, ободренный, постепенно выходил на новые рубежи. От цветов – к нарядам, от нарядов – к украшениям. В результате дошло до машины. Благо на работе все шло отлично: страшные сказки о падении рынка продаж и финансовом крахе существовали только для Аллы. Он действительно был немного стеснен в средствах последнее время, но лишь потому, что в срочном порядке купил квартиру.

С Вале Вадим впервые в жизни почувствовал, как приятно быть настоящим мужчиной. Бывшей жене на протяжении долгих лет брака он дарил только цветы: все остальное она выбирала и покупала сама. Одежду, машину, мебель. Украшения Алла не интересовалась: считала их пустым расточительством. И учила его не тратиться на ерунду – если финансы позволяют, лучше вложиться в расширение бизнеса. Или купить акции надежной компании. Как вариант – инвестировать в собственное образование.

Единственным исключением, на которое отважился Вадим в отношениях с Аллой за восемь лет, стали сапфировые серьги, приготовленные им как прощальный подарок. Скорее даже для самого себя, чтобы убедиться: он не будет ис-

пытывать тех же приятных чувств, которые захватывают его, когда одаривает Валу.

Но Вадим ошибся. В глазах Аллы вспыхнул неподдельный восторг, и он сам поневоле испытал настоящую радость...

– Ты документы на развод подал? – Валин голос донесся словно издалека.

– Прости?

– Когда будет суд?

– Черт, – Вадим почувствовал себя виноватым, – опять не заехал. На работе такая кутерьма! Себя не помню.

– У-у-у, – Валя обиделась.

– Сделаю, не переживай. До лета успеем. Мы же в июне пожениться хотели.

– Может, весной? – она взглянула лукаво.

– Есть повод поторопиться? – он похолодел и уставился на девушку в ожидании ответа.

– Как сказать...

– Валя, такими вещами не шутят!

– Ты о чем?

– Ты беременна? – спросил он прямо: ему надоела пустая игра.

Валя колебалась всего несколько секунд, за которые он успел понервничать, потом неохотно призналась:

– Пока нет.

– И будешь хорошей девочкой, пока мы вместе не решим, что пора? – Он словно закладывал в нее очередную програм-

му.

– Ладно.

– Отлично!

Вадим вздохнул с облегчением и, не успев подумать, поднялся по старой привычке, чтобы налить чай.

– Ой, – пискнула Валенька, – я сама!

– Сиди, хочу поухаживать за тобой.

Валя хихикнула и смущенно приняла чашку из его рук. Потом посмотрела тягучим призывным взглядом. Вадим почувствовал, что чаю ему больше не хочется, и, подхватив свою девочку на руки, отнес ее в постель. Он, как зверь, срывал с нее кружева и оборочки, покусывал нежную кожу, врывался и чувствовал невероятное счастье. Ни единой мысли, ни одного сомнения – в его душе поселился рай уверенного в себе и всемогущего мужчины. Надрывные стоны Вали подогревали его, делали движения жестче и приближали финал.

Когда все было кончено, он еще долго не отпускал ее – гладил волосы, мягкие бедра, груди. И уснул, не позволив ей ускользнуть...

Ему снова шестнадцать лет. В крови бушуют гормоны, а желания после страстных поцелуев сводят с ума. Он возвращается домой – шлепает насквозь промокшими кедами по лужам, не чувствуя от возбуждения ног. Победа будет за ним! Машка-дикарка, настоящая недотрога, вокруг которой он выплясывал брачные танцы почти полгода, почти сдалась. В голове лихорадочно носятся мысли о том, как бы добыть

ключи от свободной квартиры. После смерти бабушки осталась крохотная хрущевка, но мама не позволяет ему даже приближаться к ней. Женщины – трусливые существа. Им все время мерещатся какие-то беды. Вот что, например, мешало Машке сказать ему «да» хотя бы месяц назад?! Тогда еще было тепло, родители каждые выходные уезжали на дачу.

– Эй, пацан, – гулкий оклик неожиданно доносится из арки, – ты где живешь?

– Что? – он не успевает даже понять, с кем говорит: под аркой темно.

– Прикинь, какая история. Задержался у подружки, теперь не могу завестись, – из укрытия выходит парнишка чуть старше его, в кожаной куртке и в кепке, натянутой на глаза.

– Надо толкнуть?

– Не-е, не поможет, – с его голосом играет эхо, – что-то с зажиганием. Может, из-за дождя. У тебя инструмент дома есть?

Вадим молчит: если он явится домой за полночь и вместо того, чтобы лечь спать, станет рыться на антресолях, родители его убьют.

– Братишка, – парень прижимает руки к груди, – сегодня ты меня выручишь, завтра я!

– Может, у подружки твоей инструменты есть?

Парень смеется, давась в кулак, – смех начинает булькать, превращается в жуткий кашель.

– Откуда? – хрипит он. – Она не по этой части. Хочешь, адресок дам?

– Не понял...

Парень снова зашелся в болезненном смехе.

– Выпить-пожрать принесу – будет моя. Ты с подарками явишься – тебя приласкает. Хорошая!

Вадим облизывает пересохшие губы, которые потрескались от постоянных и бессмысленных поцелуев с Машкой. И где гарантия, что она не струсит в последний момент? В его воображении возникает образ девицы, разлегшейся на полосатом диване в одном белье. На какой-то картинке он видел такое.

– Давай адрес, – голос его заметно дрожит, – в какой квартире живет?

– Баш на баш, – довольно скалится паренек, – ты сгоняешь за инструментами, я дам тебе адресок.

– Ладно! – он машет рукой и сломя голову несется на свой третий этаж.

Аккуратно, чтобы не звенели, достает из кармана ключи, открывает дверь. В квартире темно и тихо: значит, родители спят. Он бесшумно тащит из кухни табурет, залезает и ищет на ощупь. Квадратная кожаная сумка всегда лежит у отца на самом удобном месте. Долго возиться не приходится – через минуту он уже держит под мышкой заветный клад. В обмен на который получит любовь.

– Сынок, ты куда?

Ослепительно вспыхивает свет. На фоне аккуратно прикрытой двери в спальню стоит отец – крепкий, мускулистый, с растрепанными со сна волосами.

– Я быстро, – Вадим задыхается, шепчет, чтобы не разбудить мать, – там ребята во дворе, машина у них не заводится. Просят принести инструменты.

– Кто такие? – отец хмурит широкие брови, и они красиво срастаются на переносице.

– Друзья, – Вадим так спешит вырваться из дома, что врет без зазрения совести, – Мишка, мой одноклассник, с братом и отцом.

– И что за проблема?

– Из-за дождя что-то подмокло. Зажигание барахлит.

– В машине нет инструментов? – отец удивлен.

– Нет, – Вадим беспомощно пожимает плечами.

– Подожди меня.

Он скрывается за дверью спальни, а Вадим пулей летит вниз – надо взять по-быстрому адрес и вернуться, пока отец не спустился. Сказать, что все обошлось, машина завелась и друзья уехали.

Перескакивая сразу через три ступеньки, Вадим вылетает из подъезда и несется под арку.

– Принес!

Сгибается пополам, не в силах отдышаться, и только тогда замечает, что в ряд перед ним стоит сразу шесть ног. Между ними, прямо на асфальте, покачивается из стороны в сторо-

ну пустая бутылка из-под водки. Вадим хлопает глазами и не может понять, откуда взялись еще двое пацанов. И если кто-то из них хотел сесть за руль, почему они пьют?

– Давай сюда, – тот, что обещал адрес, выдергивает сумку из рук Вадима. Достает отвертку, подходит к машине.

Вадим не верит глазам: перед ним «девятка», на которой ездит сосед снизу, Виталий Степанович. Они что, не видят, что машина чужая?!

– Это не ваше, – шепчет он, запоздало испугавшись до полусмерти.

– Хочешь жить?

Вадим кивает – пересохший язык безнадежно прилип к небу.

– Тогда заткнись. С нами поедешь.

Он пятится в надежде убежать, но двое, стоявшие у стены, хватают и выкручивают руки. Все происходит слишком быстро: за спиной раздается топот ботинок, потом глухой удар, потом еще. Сам он падает носом в асфальт и только видит тень, метнувшуюся через него. А потом слышит крик. Голос отца!

Вадим вскакивает, бежит вслед за удаляющимся топотом ног. Ничего не видит, не понимает из-за омывающих лицо крови и слез. Истерика подкашивает его, словно бьет под колени, – он падает на четвереньки и ползет в арку, к отцу.

– Сынок, – то ли шепот, то ли выдох, – слава богу, живой.

Сын с ужасом видит, как из-под широкой отцовской спи-

ны – он не успел даже одеться, выскочил в одних штанах – течет кровавый ручей и мешается с мутной водой. А дождь все сильнее, на грязной воде набухают огромные пузыри, лопаются. Кровь отца целиком заливают асфальт...

Вадим не сразу осознал, что кричит. Только распахнув мокрые глаза, он увидел перепуганное лицо Вали и понял, что сон вернулся.

После трех лет спокойных ночей, когда он поверил – смерть отца уже в прошлом, это видение снова с ним. Горячие слезы покатались по небритым щекам, намочили губы. Он ничего не мог поделать с собой: мучительная дрожь охватила все тело, и он затрясся в постели, словно по нему пустили электрический ток. Ошалевшая от ужаса, Валя выскочила из кровати, вжалась в дальний угол спальни.

Когда все закончилось, он почувствовал, что лежит в луже: холодный пот струился по нему как поздний октябрьский дождь. С трудом, повернувшись на бок, он спрятал от женщины свою боль. Вспомнил, как Алла в такие минуты прижимала его к себе, сотрясаясь вместе с ним в дикой лихорадке, пока он не затихал. Потом меняла постель, приносила чай. А наутро вела к старому Исааку Абрамовичу.

Где он теперь? Жив еще или умер старый доктор? Вадим не знал.

Глава 6

Забывать друг о друге могут только любовники, любившие недостаточно сильно, чтобы возненавидеть друг друга.

Эрнест Хемингуэй

Девочка-мальчик. Маленькая разбойница. Всемогушая ведьма. Зачем всем этим ипостасям было лезть в клетку, для которой они не рождены, да еще запираť за собой дверь? Для какой такой радости взялась она навешивать на себя пудовые кандалы? А ведь всегда знала, что слово *esposos* обладает сразу двумя, равными по силе, значениями: наручники и супруги.

Пережив первый шок расставания, Алла теперь радовалась тому, что Вадим бросил ее. После многих лет добровольного заточения вернула себе главную ценность – свободу.

Она поморщилась, словно от зубной боли, вспомнила, как глупо цеплялась в последнее время за отдаляющегося мужа. Ради чего? Нужно было давно перешагнуть через их игрушечный брак, созданный исключительно по ее прихоти, и начать новую жизнь. Стирая одну за другой надписи прошлого, судьба подсказывала правильный путь: сделать работу над ошибками и набело переписать собственную жизнь.

Наслаждаясь тишиной субботнего утра – никто не гре-

мит сковородками, не топает по коридору, не заглядывает в спальню с немым укором, – она еще минут двадцать провалялась в постели. Встала, приняла душ и отправилась завтракать. В кухне, как всегда, было темно. Алла включила свет и распахнула дверцу холодильника, за которой громоздились блюда и миски. Салаты пора уже было выкинуть, третий день со дня ее рождения стоят. Она так и сделала. Потом полюбовалась на авторское блюдо из куриных грудок, спагетти и сливочного соуса – выглядело неплохо, – но, вспомнив его липкий и странный вкус, Алла во второй раз поспешила к мусорному ведру. Вкусно готовить она так и не научилась, несмотря на активную практику последних месяцев. Во всяком случае, Вадим готовил гораздо лучше ее. И до сих пор наверняка упражняется в кулинарии – только уже где-то за пределами ее жизни.

Алла и в этом нашла преимущество: легче будет следить за фигурой без его фирменных блюд.

Она достала из холодильника яйцо, опустила его в кастрюльку и налила из-под крана воды. Потом, хорошенько подумав, бросила туда же зубочистку – забыла, зачем это нужно, но Вадим всегда говорил «надо». Включила огонь и уселась рядом, глядя на синее, с красными языками, пламя.

Правду говорят: люди не любят тех, кому делают зло. Стараются избавиться от пострадавшего – с глаз долой, из сердца вон, – словно жертва виновата в ущербе их души. Вадим бросил ее и исчез без следа – Алла была уверена, что он

будет прятаться до тех пор, пока чувство вины не изживет самое себя. А до того момента не посмеет ни приблизиться, ни позвонить. Сначала ненависть, вызванная болью, которую он ей причинил, должна превратиться в полное безразличие.

Алла тоже не желала видеть его. В конце концов, поставить точку он решил сам. Когда Вадим поймет, что совершил непростительную глупость, и приползет обратно, Алла еще тысячу раз подумает, принять ли блудного мужа. Наверняка к этому времени у нее уже будет совершенно другая жизнь. Новый мужчина. Новая работа.

Больше всего она сейчас хотела забыть о человеке, который предал ее: залечил свои кровавые раны под ее надежным крылом, оперился и выпорхнул из гнезда.

Когда они с Вадимом впервые столкнулись друг с другом, он был практически мертв. Правда, уже научился – все-таки пять лет прошло со смерти отца – это скрывать. Он цеплялся за каждый шанс не думать о прошлом: учился, работал, брал заказы, крутился с утра до ночи без выходных. Лишь бы отвлечься от ада, который поселился в его душе.

Мать не простила сыну смерти отца: любила мужа без памяти. У нее ничего не было, кроме мужчины ее мечты: выскочила замуж в семнадцать лет за человека на десять лет старше, который заменил ей целый мир. После смерти Льва она и сама чуть не погибла: пыталась порезать вены. Но Вадим успел – спас ее, вызвал «Скорую помощь». Ее положили в больницу, выходили. Только душевная боль так никуда и

не ушла.

Вечная страдальница, она до сих пор хранила верность погибшему мужу. На нее обращали внимание – нужно было только поднять от земли глаза, но мужчины с потерей Левушки перестали для нее существовать. Даже сын, безутешный и винивший себя во всем, был вытеснен из ее жизни жестоким горем. Она не обращала внимания на него: ходила мимо как тень, не затрагивая ни взглядом, ни словом.

Боль нередко объединяет людей, а тут разбросала в разные стороны, как от воронки только что взорвавшейся бомбы. Вадим пытался спасти то, что осталось от их семьи: падал перед матерью на колени, просил прощения, бился от отчаяния в истерике, когда видел, что она не слышит его. Но мать оставалась молчалива, как статуя, отворачивалась и смотрела в окно выцветшими глазами. Вадим сдался, принял свою вину и невозможность прощения. Забрал из серванта ключи от бабкиной квартиры – мать даже не заметила этого – и перебрался в мир одиночества. Кто мог простить его и понять, если даже он сам этого не умел?

Вадим забросил школу и, не в силах никого видеть, избавился от бывших друзей. Полгода он делал только одно: обивал пороги милиции, писал показания, рисовал портреты убийцы. Но все было напрасно. Только теперь понял: тот, в кожаной куртке и кепке, натянутой на глаза, с самого начала умело скрывал свое лицо. Под потоками осенней воды, стекавшей с козырька, да еще в темноте, никаких особенных

черт нельзя было разобрать. Двое других тоже маскировались: такие же кепки, та же манера держаться в тени. Мальчик помнил про пустую бутылку из-под водки, на которой могли остаться отпечатки пальцев убийц, но она после приезда милиции испарилась.

Осталась только могила отца на подмосковном кладбище, куда Вадим ездил каждое утро, неважно – дождь или снег.

Он прекрасно понимал: ценой своей жизни отец спас его. Но зачем?! Какое право он имел отнимать у матери счастье? Пусть бы лучше погиб сам!

Детали этой трагедии Алла узнавала постепенно, в течение года, пока в ее новой квартире шел безумный ремонт. Покупая девяносто квадратных метров бетона, она и понятия не имела о том, во что ее решимость в итоге выльется. Почему-то казалось, что внутренняя отделка – это уже ерунда. Такая же простая, как чертеж на салфетке, тем более если за дело возьмутся не студенты, а настоящие мастера. Но в первой же конторе за один только проект назвали сумму, равную той, которую она планировала потратить на весь ремонт. Во второй пошли еще дальше – не стали даже выслушивать и вникать в детали без предоплаты.

Она прекрасно помнила о предложении Вадима, но не хотела больше обращаться к нему. Обсуждая условия покупки, подписывая договор, подавая документы в регистрационную палату, они виделись постоянно. Но риелтор ни разу не заговорил о чем-то, кроме сделки, ни на секунду не посмотрел

на нее взглядом мужчины. И это было смертельно обидно. Алла тогда еще не знала о том, какие черти поселились в его душе: он боялся близких отношений, бежал от них. Считал, что именно из-за его похоти умер отец, и долгие годы наказывал себя.

Но Алла-то думала, что в день просмотра квартиры он выслушал ее и проявил интерес только с одной целью: заставить купить.

Однако, отчаявшись, она все-таки позвонила ему. Попросила помочь с ремонтом, и он обрадовался несказанно: Алла слышала это в задрожавшем от счастья голосе.

– Я же сразу предлагал, – повторял он рефреном, – все сделаю!

С того момента каждый рабочий день Вадима и Аллы заканчивался совещанием по ремонту ее квартиры. Он находил рабочих, покупал материалы вдвое дешевле рыночных цен, доставлял все это к дому и на пятнадцатый этаж при неработающем лифте. Деньги брал строго по чекам и ни копейкой больше. Когда Алла в сотый раз завела разговор о гонораре, прораб-самозванец ответил, что, если ей приспичило оплатить его труд, он подумает как. И сообщит.

Что только не лезло в голову Алле в момент ожидания: она уже представляла себе «оплату натурой», решение запутанных юридических дел, помощь в качестве сотрудницы банка. Но «гонорар» Вадима оказался неожиданным и абсолютно другим: он просил устроить на работу его маму. Слож-

ность задачи заключалась не только в том, чтобы найти подходящее место для человека без образования и опыта, но и уговорить замкнувшуюся в себе женщину сорока лет впервые в жизни пойти на службу. К счастью для Аллы, должность значения не имела: только бы заставить ее выйти из дома. Не веря в успех, но изо всех сил желая за добро отплатить добром, Алла взялась за дело.

И, как ни странно, справилась – через три недели и восемь встреч Галину Ивановну удалось уговорить поработать в банке курьером. Но только потому, что без ответственного и толкового человека на этой должности все рушилось. И несчастная Алла – бедная девочка! – замучилась дублировать потерянные студентами-курьерами документы и трястись от ужаса при мысли, что утраченные бумаги попадут в лапы к конкурентам.

Актерских способностей у начальника юридического отдела хватило вполне: узнав от Вадима историю их семьи, она вжилась в роль спасительницы на полном серьезе. Конечно, Алла скрывает тот неприятный факт, что ей пришлось уволить неплохую девчушку, единственным недостатком которой были частые опоздания. Но симпатичная молодая студентка не пропадет, в этом Алла не сомневалась, а вот женщине без опыта и образования, да еще с незаживающей раной в душе, по-другому было не выжить.

Взаимная благодарность – сильное чувство. Алла с радостью наблюдала за тем, как дружеская симпатия между ней

и Вадимом растет.

Счастливый прораб не мог налюбоваться на перемены, происходившие с матерью: она начала следить за собой, снова стала делать прическу, макияж, а благодаря врожденной старательности и хозяйственности через несколько месяцев выросла до офис-менеджера. Закупить бумагу, заказать канцелярские товары, позаботиться о сахаре, кофе, чае – оказалось, без Галины Ивановны как без рук.

Теперь все чаще по вечерам они сидели вдвоем в пустой Алкиной квартире среди сваленных в кучу стройматериалов, запаха сырого бетона и говорили. Уже не осталось друг от друга секретов, уже была выпита на двоих не одна бутылка вина, но дальше разговоров дело не шло. Вадим, уставая до полусмерти, теперь все чаще оставался ночевать «на объекте» – притащил из бабушкиной квартиры матрасы и кинул в углу будущей спальни.

А однажды и Алла не вернулась домой, в шумный научный табор своей семьи. Просто разделась и легла рядом с ним вместо того, чтобы уйти. Вадим нервничал, боялся к ней прикоснуться, и тогда она взяла дело в свои руки.

– Не переживай, это надо мне, – прошептала она.

У них не было планов на будущее, не прозвучали слова любви, смешными казались клятвы в верности, зато каждый обрел той ночью гораздо больше, чем мог мечтать, – близкого человека. Одиночество отступило.

Алла седьмым чувством уловила, что им нужно быть вме-

сте. Вадим молчал. Но лишь потому, что не считал себя вправе вваливать на чужие плечи груз серьезных проблем – так она полагала. Когда полушутливо-полусерьезно Алла предложила пожениться, он только улыбнулся в ответ.

– Мне нужен менеджер по эксплуатации объекта, – заявила она.

– Понимаю, – Вадим поддержал игру.

– Зарплата хорошая.

– Не сомневаюсь.

– В качестве бонуса – душевные разговоры.

– Заманчиво.

– Соглашайся, – Алла прижалась к нему.

– Я подумаю.

– Кстати, – она заторопилась, – время от времени исполняю желания.

– Аргумент!

– Давай, – она начала по-детски теребить его за рукав, – не тяни...

Вадим задумался на мгновение, а потом серьезно ответил:

– Как хочешь. Давай.

Поначалу семейная жизнь забавляла обоих: они играли в нее, как дети. Только роли распределили наоборот. Он чаще всего оставался дома, на хозяйстве, – продолжал подрабатывать риелтором, но особенной радости и прибыли это не приносило, – Алла пропадала с утра до позднего вечера в банке и содержала семью. Постепенно, по мере того как уле-

тучивалась эйфория от новизны, игра изменилась. Приобрела элементы реальности.

Вадим снова погрузился в депрессию, которая, казалось, отступила благодаря стараниям Аллы. Он мог часами сидеть не шевелясь, а когда молодая жена пыталась его растормошить, раздражался.

– Я не знаю, зачем живу, – повторял он, глядя мимо нее.

– Ради будущего, – каждый раз Алла пыталась отыскать «правильный» ответ. И постоянно промахивалась.

– Чепуха! В любую секунду человека могут зарезать или сбить машиной. Значит, будущего нет.

– Ради самой жизни, – Алла не сдавалась, хотя от правоты Вадима ей становилось страшно.

– Не смей меня! Я ненавижу себя и свою жизнь.

Слышать такое было особенно горько. И это после всех перемен, которые, казалось, уже произошли с ним благодаря новому повороту судьбы.

– Живи ради меня...

– Зачем тебе нужен отцеубийца?

Он переводил на нее тяжелый взгляд, в котором не было ничего, кроме боли, – разве что слабый, едва уловимый трепет надежды.

– Ты никого не убивал!!! – собрав все силы, кричала она. – Ты нужен мне, потому что, – он замирал в ожидании, а Алла спотыкалась на полуслове: – Потому что я без тебя не смогу...

Он разочарованно отворачивался от нее и снова сверлил взглядом стену.

Первое настоящее желание, которое завладело Вадимом после смерти отца, охватило его внезапно. На Калужском шоссе, в Подмосковье он увидел участок земли, в который влюбился без памяти. Это было похоже на помешательство. Несколько дней подряд он чертил план воображаемого поселка, ночи напролет говорил только о нем, не давая жене уснуть. Поначалу Алла даже обрадовалась – приступы отчаяния сменились счастливым возбуждением – но потом начала сомневаться в благотворном влиянии идеи-утопии. Даже стала ревновать к этому дурацкому участку, неведь как повстречавшемуся на его пути.

Каждое утро Вадим выходил из дома ни свет ни заря и ехал за город, чтобы обойти несколько гектаров земли между дорогой и лесом: он мысленно строил собственный жилой комплекс. Сегодня в его воображении возникал небольшой элитный поселок, завтра – многоквартирный комплекс, послезавтра маячила мысль о торговом центре. Он что-то чертил на земле, измерял, межевал.

Закончились эти вылазки тем, что обеспокоенный охранник привел «сумасшедшего» в офис продаж и попросил вызвать бригаду. Ту, которая возит клиентов в Кащенко.

– У вас совесть есть?! – возмущался Вадим. – земля выставлена на продажу! Хочу смотреть, и смотрю.

– Можешь купить, и купи, – перефразировал прыщавый

менеджер с фигурой, похожей на палку от швабры, – а если нет, чтобы тебя здесь больше не видели.

– Могу, – не задумываясь, солгал Вадим, – если приму такое решение!

Менеджер с сомнением покосился на одежду «покупателя», потом выглянул в окно, пытаясь разглядеть машину незваного гостя – парковка перед офисом оставалась пустой.

– На кого работаешь? – поинтересовался он.

– Некорректный вопрос.

– Хорошо, – голос чуть-чуть потеплел, – сколько времени нужно, чтобы дать инвестору ответ? Два дня? Неделя?

– Две недели, – с сомнением произнес Вадим, – не меньше.

– Не больше, – отрезал менеджер, – документы захочешь посмотреть, заходи.

Изучать бумаги Вадим поехал вместе с Аллой, в субботу. Всю дорогу, что они тряслись в старой маршрутке, он без конца повторял идиотскую просьбу:

– Только не говори, что ты моя жена, скажи просто – юрист!

– Ты что, стесняешься меня?!

– Нет! Только не говори...

Алла вообще ничего говорить не собиралась. Буркнула «добрый день», сунула свою визитку мерзкому менеджеру с бегающими глазками и села в углу с документами. Потом попросила сделать пару копий, которые взяла с собой, и уда-

лилась, как королева – с гордо поднятой головой.

– Ну, что? – нервничал Вадим.

– Пока ничего, на первый взгляд все в порядке.

Той ночью Вадим так и не дал ей уснуть: как безумный, твердил о проекте, о том, что эта мечта стала для него избавлением. У него наконец появилась цель в жизни, а он и не надеялся! И сразу такая, которая поднимет на огромную высоту его цену – раз уж цена человека зависит от его амбиций.

В те дни Алла серьезно раздумывала о том, чтобы обратиться к психотерапевту, но не решилась: Вадим расценил бы этот шаг как предательство.

Чем ближе подходили к концу две недели, отпущенные Вадиму, тем мрачнее он становился. Уже были найдены покупатели на бабушкину квартиру, правда, сумму, которую можно было на этом выручить, предстояло увеличить в пять раз.

Алла наблюдала за бессмысленными попытками мужа найти инвесторов, и ее сердце обливалось кровью: она-то знала, как принято реагировать в деловом мире на сомнительные идеи никому не известных людей. Она слышала его бесконечные разговоры по телефону, во время которых он униженно просил познакомить его то с одним «денежным мешком», то с другим. Неудивительно, что люди на другом конце провода только крутили пальцем у виска: Алла фактически видела их перекошенные физиономии с вздетыми к небу глазами. После каждого такого звонка Вадим замыкал-

ся в себе еще глубже. Его неподвижное сидение на диване доходило порой до абсурда: он не замечал, как день переходит в ночь, а утро перекачивается в вечер. Алле было жаль мужа. Но что могла она сделать?!

Утром в понедельник на ее рабочем столе зазвонил телефон. Она подняла трубку, в которой раздался слащавый и неприятный голос.

– Алла Георгиевна?

– Да.

– Это Марик Тукан.

– Простите? – Алла понятия не имела, кто ей звонит, хотя наверняка запомнила бы экстравагантную птичью фамилию с первого раза, если бы где-то ее услышала.

– Я бы хотел знать решение инвесторов.

– Что?

– Мне обещали дать ответ в конце прошлой недели, – якобы внес ясность Марик, – ваш коллега. Кажется, архитектор?

Алла запуталась окончательно: подобных профессий среди сотрудников банка быть не могло. Она промолчала.

– Алло, – испуганно позвал Марик. – Алло! Я по поводу участка земли под застройку на Калужском шоссе!

Сочетание слов наконец растормошило память: звонил тот самый прыщавый тип, продавец мечты Вадима.

– Да-да, – Алла растерялась, офисная уверенность исчезла из голоса, – теперь вспоминаю.

– Вы приняли решение?

– Нам нужно еще время, – проямлила она. – Вы можете подождать?

– Если внесете задаток, сколько угодно, – хихикнул гнусный тип, почувствовав в интонациях девушки слабость.

– Внесем, – Алла спохватилась и вернула голосу начальственный тон, – но не раньше, чем через десять рабочих дней.

Положив трубку, она не смогла вернуться к работе: перед глазами стояло лицо Вадима, бессмысленно уставившегося в одну точку. Алла нервничала, сомневалась. Потом поднялась с места и взяла несколько бумаг на подпись в виде прикрытия. Достала из сумки папку с копиями документов на землю и отправилась в приемную мистера Маккея, нового президента банка. Нужно было хотя бы сделать попытку: если с Вадимом что-то случится, она себе не простит...

Яйцо задрожало в бурно кипящей воде и, словно потеряв контроль над собой, начало биться боками о стенки кастрюли. Алла вздрогнула и убавила огонь. Завтракать не хотелось.

Глава 7

*Мы перестаем любить себя, когда перестают
любить нас.*

Анна Сталь

Первые хлопья снега, липкие и тяжелые, падали на волосы и ресницы. Под ногами скользкой ледяной коркой хрустела поздняя осень. Алла с тоской взглянула на свою припорошенную снегом машину: в будний день серебристая «Тойота» смотрелась в огромном дворе одиноким подкидышем. Разноцветные соседки с утра разъехались по делам, а она одна стояла без дела. Терпеливо ждала, когда хозяйка возьмет себя в руки и найдет им обоим занятие. Мысленно подсчитав, что не садилась за руль уже несколько месяцев, Алла, извиняясь, дотронулась до настороженно оттопыренного зеркала-уха и пешком пошла к метро. В банке ее ждали к пяти.

Мистер Маккей вышел навстречу Алле с лицом цвета древнего пергамента. Они помолчали, глядя друг на друга, и Алла первой отвела взгляд: на убитого горем старика сорока шести лет было больно смотреть. Всего-то полгода назад он, улыбчивый, молодой, упоительно-рыжий и с хитрым блеском в глазах, походил на огненное торнадо. Банкротство банка сделало свое дело: теперь Маккей напоминал выжженный холм. Это все, что осталось от бушевавшей в нем веселой стихии.

– Здравствуй, – он попробовал улыбнуться. Губы растянулись, из их уголков побежали морщины.

– Добрый день, – Алла испытывала одновременно жалость и злость: кому как не ей было знать об истинной роли Энди в «успехах» банка.

– Зайди ко мне, – пригласил он, распахивая дверь кабинета, – поговорим.

– Только быстро, – Алла заглянула за плечо Маккея. некогда шикарный начальственный кабинет лежал в руинах: мебель вывезли, по полу разбросаны бумаги. И только чудом сохранившийся письменный стол возвышался, словно корабль, среди белых завалов-льдин.

– Мы с тобой последние, – объяснил Энди, – но жизнь продолжается.

– Для кого как, – промямлила она, пробираясь вслед за вчерашним президентом к столу.

Порывшись в ящиках, Энди отыскал наконец-то, ради чего Алла приехала, и протянул ей небольшую зеленую книжицу в картонной обложке.

– По собственному желанию, – пояснил он, не дожидаясь вопроса, – как в заявлении.

– Я поняла.

Алла спрятала документ в сумку, даже не заглянув в него. Развернулась и собралась уйти, но Энди остановил:

– Какие планы?

Раньше звук его голоса был символом стабильности и уве-

ренности в завтрашнем дне, теперь эта магия исчезла бесследно. Загробная, тягучая речь Маккея выводила Аллу из себя.

– Поеду домой, по дороге куплю вина. Отпраздную освобождение.

– Я не об этом, – он расстроенно покачал головой, уловив в иронии «железной леди», как он называл Аллу в прежние времена, глухое отчаяние, – есть планы на будущее?

– Нет, – она бросила на бывшего начальника испепеляющий взгляд.

– Злишься на меня? – он наконец догадался.

– Мне не давали такого права.

Энди вздохнул.

– Как твой супруг? – Он все еще не хотел ее отпускать, словно присутствие Аллы, его правой руки, придавало сил.

– Работает.

– Есть успехи?

– Да.

– Хорошо.

Алла помолчала.

– Он бросил меня.

Маккей моргнул, губы его дрогнули. В глазах промелькнуло неясное выражение – то ли сочувствия, то ли радости.

– После всего, что ты сделала для этого человека?!

– Да, – Алла безразлично пожала плечами, – но я даже рада. Мы оба переросли этот брак.

– Он подонок! – Энди прищурился.

– Не смейте так говорить, – Алла сделала шаг к двери, – до свидания, мистер Маккей.

– Не уходи, – он схватил ее за руку и умоляюще посмотрел в глаза.

– Не могу остаться, – она осторожно вытащила руку, – я напишу.

– Ты не знаешь мой адрес!

– Эдинбург, Шотландия, – усмехнулась она, – Энди Маккею.

Он улыбнулся через силу, а потом собрался с духом:

– Переезжай в Эдинбург, попробуем что-то вместе придумать! Будет здорово.

– В Шотландии и без меня безработица.

– Я помогу.

Алла не была уверена в том, что Энди сумеет помочь хотя бы себе, но промолчала. Впрочем, за годы президентства в русском отделении британского банка он успел обложиться таким количеством всевозможных долей и акций, что в деньгах у него недостатка точно не будет. Недальновидные англичане сделали большую глупость, когда на место еврея пригласили шотландца.

– Спасибо.

– Так ты едешь со мной?

– Нет.

– Почему? Теперь, когда твой Вадим...

– Это ничего не меняет!

Маккей часто заморгал. На потухшие глаза навернулись слезы. Он никогда до конца не понимал эту твердую, как камень, женщину, хотя она была единственным человеком в неприветливой и холодной России, на которого он мог по-настоящему положиться. Алла помогала ему во всем, не задавала лишних вопросов и держала язык за зубами. Она ничего не требовала взамен, кроме того, что заслуживала и так – благодаря уму и невообразимому трудолюбию.

Однажды, еще на заре своей русской карьеры, он сделал этой девушке серьезное одолжение. И, несмотря на то, что свои интересы в этом деле мистер Маккей тоже учел, Алла была ежеминутно благодарна ему целых шесть лет.

– Тогда до встречи, – в голосе Энди Алла услышала сожаление, патинированное надеждой.

– Прощайте.

– Я сам буду писать тебе. Мы обязательно встретимся!

Не в силах дальше растягивать эту бессмысленную сцену, Алла решительно вышла, захлопнув за собой дверь.

Она стояла на перроне подземной станции метро и пропускала третий поезд подряд. Куда ехать? Дома невыносимо. Эйфория после ухода Вадима быстро сменилась злостью, с которой она пыталась бороться, но все время жестоко проигрывала. К родителям не хотелось. Скрыть ситуацию, глядя маме в глаза, она не сможет, а объяснять что-либо не готова. Настоящих друзей или подруг – таких, с которыми можно

поделиться самым сокровенным и не бояться удара в спину, – у нее больше нет: в карьерном альпинизме давно потеряла всех. Просто потому, что не было времени ни на телефонные разговоры, ни на встречи с ними. А коллеги, которых считала приятелями, на поверку оказывались завистниками и конкурентами.

Вадим был единственным близким человеком. И то, что после стольких усилий он посмел ее бросить, вызывало ярость.

Женская мстительность всегда казалась Алле порождением ущербного интеллекта – сильная личность способна простить. Человек с большой буквы, сколько бы обид и боли ему ни причинили, не идет по пути разрушения, он ищет способ начать новую жизнь.

Но Алле было нелегко подавить в себе желание отомстить. Слишком хорошо помнила о том, что муж бессовестно воспользовался ее «путевкой в жизнь»: это она, как Пигмалион ваял Галатею, создавала мужчину своей мечты. Превращала потерянного в огромном мире мальчишку в сильного воина. Пошла на сделку с совестью, чтобы дать ему старт. И все ради того, чтобы в один прекрасный день результат многолетних трудов достался не ей?

Мудрецы говорят: делай добро и бросай его в воду, ибо нельзя требовать ни от кого благодарности и признания заслуг. Интересно, много ли в мире людей, которые способны этому следовать?

Алла очнулась от мыслей под грохот четвертого поезда. Быстро перешла на противоположную платформу, заскочила в вагон и поехала в центр. Достаточно! Незачем хоронить себя в обидах и сожалениях. В прошлое возврата нет, значит, нужно искать новый путь.

План был простой. Поужинать в хорошем ресторане, на виду у пятничной праздной толпы, а потом заглянуть в какой-нибудь ночной клуб. Неважно, что в подобных заведениях она бывала от силы раза три за всю жизнь: никогда не тянуло. Но сейчас эту меру стоило принять как лекарство. Слишком долго Вадим доказывал ей, что она нежеланна, и эта мысль накрепко засела в ее мозгу. Требовалась срочная реабилитация собственной сексуальности.

Уже в ресторане Алла сделала главное открытие: мужчины смотрят на нее, как и прежде. Окидывают заинтересованным взглядом, а потом то и дело стреляют глазами. Правда, сама она тут же отворачивалась, – никак не могла побороть смущение – и никто из претендентов так и не решился подойти. Но самое важное произошло: она почувствовала, что не безнадежна. Чтобы отпраздновать первую победу, Алла заказала виски с яблочным соком и стала настраиваться на ночной клуб – глупую девическую скромность, не подходящую ей ни по возрасту, ни по положению, надлежало изъять.

Своего Алла добилась: уже с порога ночного заведения чувствовала себя королевой. Играли ее любимый рок-н-ролл, она подобралась ближе к сцене и стала танцевать. Го-

лова наконец отключилась, тело двигалось само по себе. Наверное, со студенческих лет, когда она то и дело выступала на сцене во время бесконечных капустников, ей не было так весело и хорошо! В какой-то момент ее подхватил симпатичный юноша и увлек, закружил. Потом Алла изгибалась и вертелась в центре плотного круга, извлекая из него то одного, то другого танцора, чтобы изобразить вместе несколько задорных па. В самый разгар веселья она почувствовала на себе чей-то взгляд. Начала искать и заметила, как пристально, не отрывая глаз, смотрит на нее ударник со сцены. Увидев, что девушка наконец обнаружила его, музыкант весело подмигнул. Так они и танцевали вместе всю ночь: Алла и его любопытные, насмешливые глаза.

Сцена опустела только под утро, но публика и не думала расходиться. Живую музыку сменили на записи, и самые неустойчивые танцоры продолжали кружиться под мировые хиты.

Чтобы немного отдышаться, Алла пробралась к барной стойке. Забралась на высокий стул и заказала коктейль.

– Привет! – прокричал, перекрывая музыку, ей в ухо мужской голос. – Отлично танцуешь!

– Спасибо, – ответила она и обернулась.

Знакомые насмешливые глаза оказались совсем близко. Пока парнишка играл на сцене, Алла успела как следует его разглядеть: высокий, статный и абсолютно лысый красавец. Было что-то невероятно сексуальное в его обнаженной го-

лове, в восточном разрезе глаз, в густых смоляных ресницах. Пухлые чувственные губы дополняли образ плейбоя, а страсть, с которой он играл, заставляла безмолвно стонать от возбуждения. Для себя Алла еще несколько часов назад все решила: если он разыщет ее после выступления, она не станет играть в недотрогу. Какой смысл в ее бесконечном и болезненном воздержании?

– Ты куришь? – спросил он одними губами, чтобы не орать.

Она отрицательно помотала головой.

– Тогда просто пойдем наверх, подышим!

Безо всяких церемоний он взял ее за руку и потащил к выходу. Она не успела опомниться, как уже стояла, прижатая спиной к стене в узком тамбуре, и ощущала на своих губах его губы. Потом музыкант оторвался и посмотрел не нее прищурившись, словно ожидая ответа на свой безмолвный вопрос. Алла чувствовала, что должна что-то сказать, но не понимала, что именно. Мысли путались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.